

Эд Макбейн

Драгица Димитриевич-Хантер

Любовь или деньги

87-й полицейский участок

Любовь или деньги

Эд Макбейн

© Драгица Димитриевич-Хантер, 2003 год.

Перевод: Евгений Роменович Сова

Эд Макбейн – одно из самых ярких и прославленных имён в криминальной прозе. Его произведения становились бестселлерами, среди которых «Лёд», «Кэндиленд», «Деньги, деньги, деньги», «Книга толстяка Олли» и «Злопастный Брандашмыг». Эд также написал несколько киносценариев, в частности, к фильму Альфреда Хичкока «Птицы». В 1998 году он стал первым небританским автором, удостоенным премии Ассоциации писателей-криминалистов – бриллиантового кинжала Картье.

Он также является обладателем премии «Гроссмейстер» Общества писателей детективного жанра Америки, и премии «Шерлок» за лучший международный детектив. Эд Макбейн успешно пишет криминальную прозу уже более 50 лет и живёт в США.

Этот ресторанчик часто посещали городские литераторы, и ни Карелла, ни Мейер не могли позволить его себе на свою годовую зарплату детективов второго класса. Они пришли сюда только потому, что судмедэксперт определил причину смерти Хелен Макриди как отравление мышьяком, и они хотели узнать, нет ли в заведении крысиного яда.

«У нас в ресторане нет крыс», - сказала им Марта Бейли. «Разве что двуногие.»

Еда здесь была отвратительной, но вы никогда бы не догадались об этом по толпам посетителей и обхвату одноимённой владелицы, которая, по слухам, весила не меньше слонёнка и ела соответствующе. Около сорока лет, одетая в то, что хиппи называли «бабушкиным платьем» с узором пейсли (*орнаментальная композиция, которая состоит из повторяющихся элементов капле-подобной формы – примечание переводчика*), Марта стояла, упираясь руками в бёдра, и бросала детективам вызов, требуя найти на её неприкосновенной кухне крыс или крысиные яды.

«Кого вы имеете в виду под двуногими крысами?», - спросил Мейер. Лысый и грузный, с голубыми глазами и терпением взломщика сейфов, Мейер стоял рядом с Кареллой посреди всех этих сверкающих кастрюль, сковородок, ложек, половников и мисок. Оба мужчины были одеты в лёгкие костюмы светлых тонов, защищающие от знойной августовской погоды. У Кареллы была непринуждённая осанка спортсмена. Голова слегка наклонена, карие глаза чуть скошены вниз, что придавало ему несколько восточный вид, и, казалось, его очень интересовало, как Марта Бейли ответит на вопрос его собеседника о двуногих крысах.

«Писатели», - сказала она.

«Я думал, писателям нравится это место», - сказал Карелла.

«Это не значит, что писатели нравятся мне», - сказала Марта.

Как говорится, кусает за кормящую себя руку, подумал Карелла.

«Хелен Макриди часто сюда приходила?», - спросил он.

«Только с Гарольдом.»

«Гарольдом?»

«Эймс. Её редактор в газете. Я пыталась отговорить его, но он постоянный клиент. Писатели нервничают, когда в редакции присутствует критик.»

«Так почему же она выбрала это место для празднования своего дня рождения?»

«Не она», - сказала Марта. «Гарольд забронировал столик. Он часто сюда приходит. Иногда вместе с ней. Они были... скажем так, очень близки.»

И дугообразно изогнула бровь.

«В смысле?», - сказал Карелла.

«Послушайте, не стоит говорить плохо о мёртвых, я права? Леди была счастлива в браке. Достаточно сказано.»

Мейер и Карелла обменялись взглядами.

«На какое время они забронировали столик?», - спросил Мейер.

«На восемь.»

«Во сколько они уехали?»

«Наверное, в десять или десять тридцать. И, кстати, она была в полном порядке, когда они уходили.»

«Где они сидели?»

«За обычным столиком Гарольда. Пойдёмте, я вам покажу», - сказала она и вывела их из своей безупречной кухни.

Марта оформила столовую так, как, по её мнению, должна была выглядеть старая колониальная таверна. Или должна была выглядеть. Тяжёлые деревянные балки, с которых свисали трубки из белой глины с длинными стеблями. Оловянные бокалы выстроились на полках за барной стойкой. Деревянные кабинки с мягкими сиденьями и высокими спинками. Свечи в бра на всех стенах. Повсюду висели фонари. Карелла ожидал, что Джордж Вашингтон въедет сюда на белом коне *(имеется в виду почтовая марка 1951 года, на которой генерал*

Вашингтон восседает на белом коне в 1776 году во время Бруклинского сражения, ещё один намёк что город из серии книг про 87-й участок похож на Нью-Йорк – примечание переводчика).

«Вот здесь любит сидеть Гарольд», - сказала она и показала им один из больших круглых столов. «Я оставляю этот стол для него, когда он бронирует.»

«Так кто же был на этой вечеринке?», - спросила Карелла.

«Ну, конечно, Гарольд и миссис Макриди, а также её муж, как вы понимаете.» Ещё один взмах бровью. «И её маленькая подружка-актриса. Только они четверо. Уютно.»

«И какая же подружка-актриса?», - спросил Мейер.

«Ну, актриса», - сказала Марта и скорчила гримасу. «Вообще-то она хористка. Играет в небольшом мюзикле на соседней улице. Такая с ямочками и длинными ногами.»

«Как её зовут? Вы, может, знаете?»

«Конечно. Синди Карр. С «и» и «и». Синди.»

«Как вы думаете, кто отравил миссис Макриди?», - спросил Карелла.

«В моём ресторане никто не отравлялся», - категорично заявила Марта.

«Сначала я думал, что она просто что-то съела», - сказал Джордж Макриди. «Я чувствовал себя хорошо, но я заказал стейк, а она - форель. Вот я и подумал, может, рыба была испорчена. Если только...»

Они сидели недалеко от смотровой комнаты похоронного бюро, где в открытом гробу лежал труп его жены. Макриди выглядел по-настоящему убитым горем. Худой, почти исхудавший мужчина лет шестидесяти, как они предполагали, сидел, сжимая шишковатые руки, и не мог остановить слёзы, которые текли по его лицу.

«Озноб - это ведь не симптом?», - спросил он. «Ей стало немного зябко вначале. В ресторане. Но это, наверное, из-за кондиционера, как вы думаете? Она сидела прямо под одним из вентиляционных отверстий, даже мне было немного зябко, а я сидел на другом конце стола. Синди

предложила ей шаль. Её всё ещё знобило, но я не думаю, что это был яд. Не думаю, что озноб - это симптом, не так ли?»

«Когда вы заподозрили, что она могла быть отравлена, мистер Макриди?»

«Ну, когда у неё началась рвота. Тогда я по-настоящему встревожился. То, что она вырвала, по консистенции напоминало рисовую воду, так что я сразу понял, что что-то...»

«Когда это было, мистер Макриди?»

«Вскоре после того, как мы вернулись домой. Ну, мы уже были в постели. В полночь? Около того? Она жаловалась на жгучую боль в животе и боль в горле. Но потом у неё началась рвота, кожа стала липкой, и я срочно отвёз её в больницу. К тому времени её лицо побледнело.»

Он разразился новыми рыданиями и зарылся лицом в свои руки.

«Вы все четверо пили одно и то же?», - спросила Карелла.

«Что?»

«Вино. Пиво. Что угодно.»

«О. Я не знаю, что пили остальные. Хелен пила мартини перед ужином и белое вино с рыбой. Да, точно, теперь я вспомнил. Гарольд заказал бутылку «Мерло» для себя и меня. Мы оба ели стейк. И «Шардоне» для Хелен и Синди. Она ела телятину, кажется. Синди».

«Кто наливал вино?», - спросил Мейер.

«Официант, я думаю. Почему?»

Гнев внезапно вспыхнул в его глазах, как пламя, посреди утихающих рыданий.

«Не обращайтесь внимания на официанта», - сказал он. «Никакой чёртов официант не отравил её.»

Они знали, когда нужно замолчать и послушать.

«У них обоих были мотивы», - с горечью сказал он. «Они оба были в ярости от Хелен.»

«Почему, мистер Макриди?»

«Простая ревность! Я, конечно, знал о Гарольде с самого начала, это происходило между ними уже давно. Приходится вносить коррективы. Брак - это корректировка, не так ли? Но это было что-то новое. Другая женщина? Дешёвая маленькая лесбийская шлюха? Хелен никогда не казалась... ну... такой.»

Они продолжали слушать.

«Когда я узнал, что Гарольд пригласил Синди на вечеринку, я умолял его позвонить ей снова, сказать, что всё отменяется, сказать ей что-нибудь. Разве он не знал, что они любовницы?»

Макриди покачал головой.

Слёзы прекратились.

Его руки были крепко сжаты.

Они ждали чего-то большего.

Терпение, подумал Мейер.

«Озноб не мог быть симптомом.» Макриди, словно пытаясь убедить самого себя, кивнул, вспоминая. «Потому что, как только она переместилась из-под вентиляционного отверстия, с ней снова всё было в порядке. Сменила место и была весела, смеялась, пила. Всё по-прежнему: мальчик-девочка-мальчик-девочка, ну, конечно», - сказал он, - «они оба были там, чтобы отпраздновать её день рождения, верно? Оба её милашки», - с горечью сказал он и снова начал всхлипывать.

Они нашли Синди Карр в тренажёрном зале на втором этаже, недалеко от Стэма, рядом с театральным кварталом и её квартирой. Она не выглядела так, будто нуждалась в занятиях фитнесом. Ростом около пяти футов девяти дюймов, в чёрном трико и чёрной майке, пропитанной потом и низко обтягивающей несколько пышную грудь, она сошла с беговой дорожки, вытянув руку, длинные светлые волосы всклокочены и влажны, на лице - улыбка с ямочками, голубые глаза сверкают.

«Привет», - сказала она, - «Как дела?»

Как будто кого-то не убили накануне.

Они всегда удивлялись тем, кто притворялся, что убийство - это обычное дело. По их опыту, это были те, кто либо просто глуп, либо что-то скрывает. Синди Карр не выглядела глупой, но у них также пока не было оснований предполагать, что она может что-то скрывать. Если только она не была той, кто отравил Хелен Макриди.

«Рад, что вы нашли для нас время», - сказала Карелла.

«Едва ли», - вздохнула Синди, усаживаясь на одну из скамеек для прессы. «Мне нужно вернуться на репетицию к двум», - сказала она и посмотрела на часы на стене гимнастического зала.

Повсюду вокруг них красивые мужчины и женщины вышагивали, поднимались, сгибались и гримасничали. Мейеру захотелось сесть на диету. Карелле тоже.

«Расскажите нам о прошлом вечере», - сказал он.

«Знаете... мне нужен адвокат или что-то в этом роде?», - спросила Синди.

«Почему вы так думаете, мисс Карр?»

«Эй», - сказала она.

Они подождали.

«Хелен отравили, да?», - сказала она и провела указательным пальцем по своей ямочке на щеке.

«Это обычные вопросы», - постарались заверить её.

«Не сомневаюсь», - сказала она.

«Как вы оказались приглашены на эту вечеринку?», - спросил Карелла.

«Меня пригласила Хелен. Ну, вообще-то это Гарольд меня позвал. В конце концов, это была его вечеринка. Но именно Хелен предложила это сделать.» Она заколебалась. «Мы подруги», - сказала она. «Были».

«Как давно вы с ней знакомы?»

«Она вернулась после спектакля, который я ставила несколько месяцев назад. Маленький мюзикл по мотивам «Чувства и чувствительности» Джейн Остин (*английская писательница, провозвестница реализма в британской литературе, сатирик, писала так называемые романы нравов – примечание переводчика*). Продержался на сцене неделю, но Хелен понравилось. Ну, любовь или деньги, вы же знаете, как она к этому относится. Так что мы начали общаться.»

«Где это было, мисс Карр?», - спросила Карелла.

«Я только что сказала вам. За кулисами. В моей гримёрке.»

«О. Когда вы сказали, что она вернулась, я подумал, что вы имели в виду именно то, что она вернулась.»

«Нет, я имела в виду за кулисами. Чтобы сказать мне, как ей понравилось шоу. Мы разговорились, и одно привело к другому, мы встретились за обедом на следующий день и стали подругами. Вот почему я была на вечеринке. Потому что Хелен попросила Гарольда пригласить меня. Но, знаете ли...»

Они подождали.

«Неважно», - сказала она.

«Неважно что, мисс Карр?»

«Я думаю, если мы собираемся ещё поговорить здесь, мне лучше позвонить адвокату. Потому что, должна вам сказать, это звучит совсем не обыденно, ребята, и я чертовски не хочу, чтобы меня обвинили в убийстве моей лучшей подруги на свете. Понятно?», - сказала она, её лицо начало дёргаться.

«Понял», - сказал Карелла. «Спасибо, что уделили нам время.»

«Конечно», - сказала она и отвернулась, чтобы скрыть внезапно наворачнувшиеся на глаза слёзы.

«Есть только две вещи, о которых стоит писать», - говорил им Гарольд Эймс. «Любовь или деньги».

Ему было около пятидесяти, как они догадались, худощавый и зеленоглазый, с каштановыми волосами и аккуратно подстриженной бородкой, он сидел в лучах солнца за огромным письменным столом в своём офисе с кондиционером в углу. Сейчас было два часа дня, и они пришли в газету не для того, чтобы выслушивать литературные изыскания, а чтобы узнать о вчерашнем званом ужине.

«Вы знаете, кто это сказал?», - спросил Эймс.

«Нет, и кто же это сказал?»

«Сама Хелен. Ну, Джейн Остин сказала это задолго до Хелен, но она любила повторять. Эти слова были её кредо, по сути, и многие писатели недолюбливали её за это.»

«Кто-нибудь конкретно?», - спросил Мейер. «Эти писатели, которые её недолюбливали?»

«Тысячи», - сказал Эймс. «Нельзя быть книжным обозревателем в самой влиятельной газете страны и не ожидать, что у тебя появятся враги.»

Враги, подумал Карелла.

Гораздо более сильное слово, чем «недолюбливают».

«Расскажите нам о вчерашней вечеринке», - сказал он.

«Мы все здесь подозреваемые?», - спросил Эймс. Казалось, эта мысль его позабавила.

«Нет, я и мой напарник - вне подозрений», - сказал Карелла.

«Я имел в виду нас троих.»

«Кто-нибудь из вас писатель?»

«Понятно», - сказал Эймс.

Они ждали, когда он скажет, что конкретно понял.

«Вы думаете... поскольку я сказал, что писатели её недолюбливают, то, возможно, писатель её и отравил. Так?»

Они ничего не сказали.

«Вчера вечером в «Марте Бейли» были сотни писателей», - сказал Эймс.

«Немного сужает поле деятельности», - подумал Карелла.

«Кто-нибудь из них был за вашим столом?», - спросил он.

«Писатели останавливались у стола весь вечер напролёт, подлизываясь к Хелен.»

«В каком смысле?», - спросил Мейер.

«Радостно обнимали её, все улыбались, «здравствуйте, Хелен, как поживаете?». Выражали своё почтение, знаете ли. В надежде на хорошую рецензию на следующую книгу».

«Вы говорите...»

«Я говорю, что там были винные бокалы, стоящие прямо на виду. Я не знаю, какова смертельная доза мышьяка.»

«Три грана (около 0,2 грамм, в США гран иногда применяется для дозировки лекарств – **примечание переводчика**)», - сказал Карелла.

«Это сколько? Чайная ложка?»

«Намного меньше. Вообще-то, щепотка. Сколько бы она ни проглотила, этого было достаточно, чтобы убить её за четыре часа.»

«Я хочу сказать, что любой из этих жополизов мог наклониться над столом и подсыпать ей в бокал.»

Если бы у свиней были крылья, они бы летали, подумал Карелла.

«Какие у вас были отношения с Хелен Макриди?», - спросил он напрямик.

«Я книжный редактор. Таковы были наши отношения. Как редактора и рецензента.»

«И поэтому вы так часто ужинали вдвоём?»

«Я не думал, что мы так часто обедаем вдвоём. Но да. У нас было много тем для обсуждения.»

«Любовь?», - спросил Мейер. «Или деньги?»

«Книги», - сказал Эймс.

«Когда вы узнали, что у неё роман с Синди Карр?»

«Это подтверждённый факт?»

«Джордж Макриди, похоже, так считает».

«Ревнивый муж», - сказал Эймс и пожал плечами.

«А может, ревнивый любовник?»

«Мистер Макриди говорит, что позвонил и попросил вас не приглашать Синди на вечеринку. Это правда?»

«Я не мог этого сделать, не так ли? Я пригласил её, потому что Хелен попросила меня об этом».

«Она дала вам какую-нибудь причину для этого?»

«Она и не должна была. В конце концов, это был её день рождения. Но, да, они были подругами.»

«Задумшевыми подругами, по словам Макриди.»

«Ну, как я уже сказал, ревнивый...»

«Разве он не говорил вам, что Синди и его жена были любовницами?»

«Что вы думаете об этом, мистер Эймс?»

«Разве он не говорил конкретно?»

«Джентльмены», - сказал Эймс и развёл руки в стороны. «Прошу вас. Это не полицейский участок, и я здесь не арестован.»

«Вы заказали вино вчера вечером, не так ли?»

«Да».

Теперь сдержанно. Губы плотно сжаты. Сердито нахмурился.

«Красное для вас и Макриди, белое для Синди и Хелен.»

«Как скажете.»

«Ну, они ведь пили вино из одной бутылки, не так ли? Синди и Хелен?»

«Я не проверял, кто что пил. На самом деле, меня даже не было всё время за столом.»

«О? Где вы были?»

«Помнится, я заходил в мужской туалет в какой-то момент.»

«Это было после того, как вы подсыпали мышьяк в стакан Хелен?»

Эймс ничего не ответил.

«Потому что, если яда не было в самой бутылке...»

«...он должен был попасть в её стакан.»

«Не так ли, мистер Эймс?»

Тот по-прежнему ничего не отвечал.

«Это вы подсыпали яд в её бокал, мистер Эймс?»

«Вино наливал официант», - ответил он, как школьный учитель.

«Красное для Джорджа и меня, белое для дам. Хелен жаловалась на кондиционер. Я отлучился, чтобы пойти в туалет. Когда я вернулся к столу, она выглядела как обычно весёлой. Джордж предложил тост, и мы все выпили. Если кто-то отравил её вино, пока меня не было...»

Эймс пожал плечами.

«Это всё, джентльмены?» - спросил он. «Потому что у меня, видите ли, есть работа».

Что случится в дальнейшем? Предположите сами...

Концовка от Питера Райли.

«Она поменяла место. Вот и всё!»

Мейер плюхнулся в кресло за своим столом и хлопнул себя по лбу тыльной стороной ладони, как плохой актёр, пытающийся изобразить забывчивость.

«Ей было холодно, она сидела под одним из вентиляционных отверстий. Макриди рассказал нам. Она поменялась местами с Синди Карр и отравилась.»

Мейер усмехнулся. Он уже решил, что Хелен Макриди не была намеченной жертвой, а просто оказалась на пути. Карелла не был убеждён.

«Нет, она бы забрала свой бокал с собой. Нельзя менять место во время еды и оставлять свой бокал.»

Мейер нахмурился: вероятно, Карелла был прав, но хмурился он недолго.

«Ладно, ладно, она взяла свой бокал с собой, но этого было достаточно, чтобы обмануть отравителя. Он запутался и налил отраву не в тот бокал.»

Карелла поднял глаза: «Значит, ты решил, что это был «он». Ты исключил Синди Карр.»

Мейер пожал плечами: «Может быть. А может, и нет.»

Карелла хихикнул: «Если, конечно, Синди не пыталась покончить с собой и не перепутала стаканы.»

Мейеру было достаточно одного взгляда.

Карелла быстро сменил тон. «Итак, мы идём по пути любви. Нет никаких предположений, что мотивом были деньги, так что это любовь - или, по крайней мере, ревность.»

Мейер согласился. «В таком случае перед нами Джордж Макриди. Он вполне может справиться с «корректировкой» Гарольда Эймса, а тут появляется длинноногая Синди...»

Карелла подхватил тему: «...и проблема Макриди решается, если Синди исчезает. Только он путается, подсыпает яд не в тот бокал и убивает собственную жену.»

Мейер энергично кивнул: «Что подтверждается всем горем и слезами.» Он расслабленно откинулся в кресле и снова кивнул. Молчание между ними свидетельствовало о том, что ни один из них не был убеждён.

Карелла бросил первый камешек в пруд.

«Он чертовски рисковал. Четыре человека за столом. Не так-то просто сделать это скрытно.»

Мейер уставился на стену, и сосредоточился, затем по краям его рта заиграла лёгкая улыбка.

«У него были сообщники, чтобы отвлечь внимание.»

Карелла поднял брови, это было что-то новое. Потом до него дошло: «Писатели останавливались за столом, подлизываясь к Хелен. Так сказал Эймс.»

Карелла почувствовал себя неловко. «Конечно, Эймс назвал их «врагами», но ведь это сам Эймс...»

«Эймс знает больше разгневанных писателей, чем Макриди», - перебил Мейер, - «возможно, слёзы были настоящими.»

Карелла перенёс вес с левой ноги на правую и одновременно переложил жевательную резинку с правой щеки на левую, словно для поддержания равновесия.

«Значит, теперь мы говорим, что это Эймс пытался избавиться от Синди, потому что она была конкурентом? А ведь именно Гарольд Эймс пригласил Синди - она сказала, что это была Хелен, - но решение принимал Гарольд.»

Мейеру понравился этот новый подход: «И Гарольд сказал, что не может «не пригласить» её, даже когда Макриди попросил его об этом. Ты заметил...»

Он остановился на полуслове и, несмотря на жару и свой от природы цветочный цвет лица, побледнел. Карелла забеспокоился. «Ты в порядке?»

Мейер сглотнул: «Если целью была Синди, а Эймс промахнулся, как скоро он попытается снова?»

Они размеренным шагом направились к двери.

В театре они никого не застали, не было её и в спортзале. Когда они наконец добрались до её квартиры, консьержа дома не впечатлили два парня со значками детективов.

«Она ушла.»

«Когда», - требовательно спросил Карелла, - «она ушла?»

«Когда-то, не помню.»

Мейер начал раздражаться. «Она была одна? С ней кто-нибудь был?»

Консьерж пожал плечами: «Никого не видел.»

Это был тупик. Эймс был на первом месте в списке, но время было уже после окончания рабочего дня редакторов, и им понадобился его домашний адрес. Они вернулись в участок.

Сержант Дилейни стоял за стойкой - собственно, своим присутствием и поведением он изображал командующего всем полицейским участком.

«Мейер, к тебе посетитель. Из городского здравоохранения. Я отправил её на второй этаж.»

Карелла скривил губы и потянулся за жевательной резинкой. Это дело было близко к развязке, и ему не нужны были отвлекающие факторы, но он последовал за Мейером по коридору.

Джанет Коблински была высокой, рыжеволосой и мощно сложенной женщиной. Спецодежда и большие ботинки усиливали эффект.

«Вы Мейер?»

Карелла указал большим пальцем.

«У меня к вам претензии. Я только что сильно поссорилась с Мартой Бейли, и тут в разговор вмешались вы.»

Внезапно это перестало быть отвлекающим фактором.

Мейер жестом пригласил мисс Коблински сесть. Она настолько резво подошла к нему, что наступила на ногу; он жалобно заскулил.

«Я только что закрыла её заведение.»

«И почему вы это сделали?», - поинтересовался Мейер.

Она издала вздох отчаяния и указала на значок на своём комбинезоне: «Из-за нарушения санитарных норм, разумеется. Она обвинила меня в том, что я выполняю вашу грязную работу. Я не знала, что у вас есть свой интерес.»

Мейер подождал продолжения.

«Всё здание. Они что-то делают на третьем этаже - переделывают его под однокомнатные квартиры или что-то в этом роде.»

Мейер ждал. С терпением медвежатника (*также шнифер, это вор, специализирующийся на кражах из сейфов – примечание переводчика*).

«Это здание построили, когда Гровер Кливленд (22-й (1885-1889) и 24-й (1893-1897) президент США – *примечание переводчика*) был в Белом доме, и облицовка стен, скажем так, не соответствует никаким известным нам стандартам. Пока что мы обнаружили гипс, цинк, мышьяк, кадмий и ртуть - и всё ещё продолжаем анализировать. В такую жару, когда кондиционеры работают на полную катушку - ну, если хоть одна из этих пылинок попадёт в систему, вылетит из вентиляционных отверстий и попадёт в пищу. Представьте себе.»

Мейер проговорил в пол оборота: «Это уже произошло, леди. Уже. Только яд попал не в еду.»